

УДК 572; 1/14

doi: 10.18101/1994-0866-2017-2-3-11

ПРЕДМЕТНОЕ БЫТИЕ: ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ВЕЩАМ

© *Моторина Любовь Евстафьевна*

кандидат философских наук, профессор, Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)

Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

© *Сытник Вероника Михайловна*

кандидат философских наук, доцент, Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)

Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

E-mail: sytnikvm@gmail.com

В проблемном поле исследований человека можно выделить два методологических концепта, обозначающих «мир человека» (отношение к себе) и «человека в мире»: отношения человека к миру вещей (предметное бытие), отношение к другому человеку (социальное бытие) и отношение к Абсолюту (вечное, вселенское измерение человека). В единстве они образуют экзистенциальное пространство человека. Основное внимание в статье уделено анализу предметного бытия человека, основных этапов его развития: этап непосредственного отношения к вещам, этап «опосредованного отношения», где в качестве средства выступает техника промышленного производства, и этап «двойного опосредования», в котором техника как средство сама становится необходимым условием возникновения другого средства, киберпространства, заключающего в себе в потенциальной форме свернутые виртуальные реальности. Изменения в структуре предметного бытия вызывают изменения в экзистенциальном пространстве. Проблема «границ техники», широко обсуждаемая в XX веке, постепенно смещается на периферию проблемного поля, уступая место проблеме «границ человека». Методология и методы: философская рефлексия в режиме историко-философского и философско-антропологического исследования, методологический анализ отношения человека к миру, метод сравнительного анализа, единство исторического и логического.

Ключевые слова: экзистенциальное пространство, человек, мир вещей, предметное бытие, социальное бытие, Абсолют, культура, техника, инструментальное пространство, виртуальная реальность, киберпространство, границы человека.

Углубление антропологического кризиса в условиях современной геополитической ситуации и нарастания экзистенциальной напряженности — проблема адаптации человека к темпам социокультурных изменений, расширение сферы вынужденного общения, замена личностного начала в культуре ее системными основаниями, разрыв между экзистенциальной и инструментальной компонентами жизненного мира человека, разрушение само-

ценности жизни и смыслоутрата — вновь актуализирует антропологическую проблематику.

В XXI в. изменяется *методология исследования человека*. На первое место выходит не познание сущности, а раскрытие *фундаментальных отношений человека к миру и самому себе*. Ключевыми объектами становятся отношение человека к миру вещей (предметное бытие), отношение к другому человеку (социальное бытие) и отношение к Абсолюту (вечное, вселенское измерение человека). Отношение человека к Абсолюту (космосу, природе, Богу), предметное бытие и социальное бытие представляют собой фундаментальные отношения человека к миру и образуют проблемное поле, условно определяемое как «человек в мире». Отношение человека к самому себе образует «мир человека» или «я». «Человек в мире» и «мир человека» — это методологические концепты, представляющие человека в качестве антропологической целостности в ее онтологических различиях. «Мир человека» и «человек в мире» в их взаимосвязи образуют единое *экзистенциальное пространство человека*.

Из всего многообразия отношений человека в мире предметное бытие занимает особое место, ибо представляет собой деятельность, направленную на создание своей специфической среды существования — культуры (второй природы). Мир предметов культуры, который окружает человека, представляет собой объективацию человеческого опыта и знания. Каждый предмет есть фиксация человеческого способа поведения. Овладеть какой-либо вещью, созданной людьми, — значит научиться действовать и жить по-человечески. В процессе человеческой деятельности происходит постоянный процесс опредмечивания сил, способностей, знаний, навыков человека в объектах человеческой культуры. Распредмечивание, напротив, предполагает присвоение человеком объектов культуры. Формы опредмечивания и распредмечивания жизненных сил человека исторически изменялись.

Первоначально отношение людей к вещам носило *непосредственный характер*. И хотя средства как опредмеченные человеческие силы в предметах создаваемой им культуры (искусственной среды) возникают с момента начала его трудовой деятельности, они не существуют отдельно от человека, а органично включены в его экзистенциальное пространство. Созданные человеком вещи представляли собой предметы обихода, и в этом случае человек производил их для себя, считал их нужными и необходимыми. Даже если он делал их для других людей, он гордился тем, что ему доверяют, признают в нем мастера, умельца. Такие вещи Хайдеггер называл «спутниками жизни человека», а само отношение к подобного рода вещам — «интимным», то есть как к лично изобретенным или лично присвоенным.

В работе «Бытие и время» Хайдеггер выявляет первоначальную бытийную форму того, что мы называем средством. Повседневное бытие человека в мире Хайдеггер именуется «обращением в мире», в котором у человека возникает «озабоченность» [8, с. 68]. В «озаботившемся обращении» человек создает средства, но они всегда подчинены структуре экзистенциального пространства человека. «Одного средства, строго беря, не "бывает", — писал Хайдеггер. — К бытию средства всегда принадлежит целое средств, где

оно может быть этим средством, какое оно есть. Средство по своей сути есть "нечто для того, чтобы...". Разные способы "для-того-чтобы" как *годность, полезность, применимость, удобство конституируют целое средство* (курсив мой. — Л. М.)» [8, с. 68]. В этом смысле созданная человеком вещь первоначально всегда имела свое *место* и была наделена *ценностью*. Изготовление изделия подчинялось не только свойству его применимости «для чего», но и свойству «из-чего» своего состава. Вещи изготавливались из природного материала, когда «первая природа» выступала *естественным условием существования* человека, а вещь раскрывала ее красоту и потаенность. В изготовленном изделии присутствовало «указание» на ее исполнителя и носителя. «Сработанное» изделие «жило» по законам человека, его «хозяина». Такой способ бытия вещи (средства) Хайдеггер именовал «подручностью» [8, с. 69]. Хайдеггер подчеркивает, что «подручность» как конститутивный принцип бытия «целого средств» не всегда относится к бытию отдельных людей, оно может иметь место и при изготовлении массового товара, но этот товар должен сохранять свойство «подручности» и встречать мир, в котором его ждут клиенты и потребители, мир, характеризуемый как «вместе и наш» [8, с. 71]. Сработанное изделие «подручно» не только в домашнем мире мастерской, подчеркивал Хайдеггер, оно должно оставаться «подручным» и в публичном мире. Главное, чтобы в созданных человеком изделиях открывалась *природа окружающего мира*. В подтверждение своей мысли Хайдеггер приводит такие примеры: «Крытый перрон берет в расчет непогоду, осветительные устройства, темноту... Взглянув на часы, мы неявно делаем употребление из "положения Солнца", по которому ведется официальная астрономическая корректировка измерения времени» [8, с. 71].

Таким образом, на первом этапе развития предметного бытия человека его отношения к миру вещей носят *непосредственный характер*. Все (даже создаваемые им изделия в качестве средств) включено в единое *экзистенциальное пространство*. Мир созданных человеком предметов существует как «целое средств». Он представляет собой «вторую природу» (культуру), которая *органично связана с «первой природой»* и развивается на основе *личностного начала*. Изготовленные вещи при этом всегда несут в себе положительный, ценностно означенный смысл.

Но постепенно ситуация менялась, и вещи, созданные людьми, стали выходить из-под их контроля. Они стали существовать и функционировать по своим собственным законам. С этого момента начинается новый тип отношений человека с миром, и предметный мир (рукотворный, созданный самим человеком) перестает быть ему «подручным». Объективируя свои жизненные силы, человек постепенно перестает обладать ими как чем-то личным, только ему присущим, поскольку созданные им вещи более ему не принадлежат. Эти вещи и опредмеченные в них жизненные силы человека обретают внешнее по отношению к нему существование. *Из «спутника жизни» вещь превращается в средство, которое имеет не только положительный смысл и «означенную ценность», но одновременно порождает и негативные последствия, несущие угрозу существованию человека.* Угроза

жизни идет уже не от «первой природы», а от «второй» (культуры), которая, казалось бы, была призвана защищать человека. Возникает *инструментальное пространство* как самостоятельно функционирующий феномен культуры (второй природы). Этот этап в развитии предметного бытия человека начинается с промышленного производства техники (средства), причем «первая природа» из условий существования человека, включаясь в производство, также становится средством. Новый тип отношений характеризуется разрушением целостного экзистенциального пространства, разрывом его на два мира: мира инструментального и мира экзистенциального. Инструментальный мир (техника промышленного производства) характеризуется *двойственной природой*: вместе с положительным смыслом результаты человеческой деятельности начинают порождать негативные последствия.

С возникновением субъективности, т. е. с превращением человека в субъект, а мира — в объект, когда кардинальным образом изменяется отношение человека к сущему, предметный мир человека превращается в технический мир: с этого момента техника задает всему сущему, включая и человека, техническую меру [9, с. 117–121]. Целью человеческой деятельности становится не преодоление нужды или защита от стихийных сил природы, а активное использование в своих целях окружающего мира и преобразование его. Преобразовательная, потребительская компонента предметного бытия человека в буквальном смысле «захлестывает» его. Причем постепенно человеку становится неважным: совпадают ли цели его деятельности с целями и задачами самого мира. На этот момент обращал внимание еще И. Кант. Он подчеркивал, что человек находится в иллюзии, что мир как будто только и существует для того, чтобы его познавали и преобразовывали. Но у мира есть свои цели, и, чтобы постичь их, человеку надо научиться «задавать миру правильные вопросы», т. е. пытаться проникнуть в цели самого мира [1, с. 84]. Наиболее глубокий анализ роли техники в жизни современного человека дан в работах С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Ясперса и других крупнейших мыслителей XX века. Ими были выявлены и раскрыты важные аспекты, связанные с осмыслением техники как феномена, оказавшего значительные изменения в отношениях человека и мира. Главный момент, который акцентировали философы, был связан с анализом «двойственности техники», которая обусловлена противоречием между творческой сущностью человека и результатами его творчества. В работе «Недовольство в культуре» З. Фрейд назвал это противоречие роковым для истории человечества.

Исследуя двойственную природу техники, Ясперс отмечал, что техника одновременно удаляет нас от природы, но и приближает, поскольку позволяет открывать ранее неизвестные нам свойства мира и развивать свои собственные способности [13, с. 118–128]. Другими словами, техника, с одной стороны, является фактором саморазвития и самореализации человека, с другой — снижает уровень управляемости так называемого инструментального пространства. Главной угрозой Ясперс называл «духовную пустоту» [13, с. 138] и «утрату смысла жизни». Чтобы экзистенциально пережить и более глубоко осмыслить меру данной угрозы, приведем цитату из книги

отечественного религиозного философа С. Л. Франка «Крушение кумиров», где он поставил вопросы, над которыми нам было бы полезно поразмышлять. Он писал: «Не радует нас больше и прогресс науки, и связанное с ним развитие техники. Путешествия по воздуху, этот птичий полет, о котором человечество мечтало веками, стали уже почти будничным, обычным способом передвижения. Но для чего это нужно, если не знаешь, куда и зачем лететь, если на всем свете царит та же скука, безысходная духовная слабость и бессодержательность... Общее развитие промышленной техники, накопление богатства, усовершенствование внешних условий жизни — все это вещи неплохие и, конечно, нужные, но нет ли во всем этом какой-то безнадежной работы над сизифовым камнем... Возможна ли сейчас еще та юная, наивная вера, с которой работали над накоплением богатства и развитием производства целые поколения людей, видевшие в этом средство к достижению какой-то радостной, последней цели? И нужно ли, в самом деле, для человеческого счастья это безграничное накопление, это превращение человека в раба вещей, машин, телефонов и всяческих иных мертвых средств его собственной деятельности?» [7, с. 139].

О двойственном противоречивом характере техники писал и М. Хайдеггер, что нашло отражение в его понятии «по-став». По-став, по Хайдеггеру, это способ раскрытия потаенности мира. «Человеку как субъекту, — писал М. Хайдеггер, — присуще бесконечное раздвигание сферы потенциального опредмечивания и права решения о нем» [8, с. 61], отсюда технику он называл одним из способов, дарованных человеку, позволяющих расширять свои творческие возможности. Он выделял два способа раскрытия потаенности мира: производственно-поставляющий (инструментальный) и поэтический (экзистенциальный). Расширение первого, по его мнению, приводит к утрате второго, и человек постепенно теряет способность к раскрытию потаенного — нечто более изначального [8, с. 221–236]. Техника, по Хайдеггеру, это судьба человека. Встать на путь судьбы — судьбы в виде по-става в качестве производственно-поставляющего способа раскрытия потаенности — Хайдеггер считал весьма опасным. Он повторял, что негативные следствия развития технического мира являются опасными не сами по себе. Наибольшая опасность заключается в том, что *человек не подготовлен к такому изменению мира. Возникает проблема адаптации — проблема приспособления человека к изменяющимся условиям*. По мнению Хайдеггера, человеку необходимо развивать отношения с миром в соответствии с сущностью техники, ее двойственным характером. Человек должен сказать технике одновременно и «да», и «нет». Хайдеггер назвал это отношение «отрешенностью от вещей» [10, с. 111].

Таким образом, если на первом этапе развития предметного мира преобладал компонент защиты человека от стихийных сил природы, усиления и расширения человеческих возможностей, то на этапе опосредованного отношения человека к миру вещей доминирует компонент риска, угрозы. Причем угрозы не только физического уничтожения человека, но морального и ценностного разрушения. Все более усиливается *разрыв между экзистенциальным пространством и пространством инструментальным*. Ин-

струментальный мир оказывает все большее давление на экзистенциальное пространство человека. Такую озабоченность высказал в конце XX века французский социолог А. Турен. «Наша культура, — писал он, — не управляет более нашей организацией, а та, в свою очередь, не управляет более технической и экономической активностью» [5, с. 188]. Он подчеркивал, что в современном обществе все более разрушаются связи, объединяющие личную свободу и общественную эффективность; все более разделяются культура и экономика, мир символический и мир инструментальный. В этой связи А. Турен задается вопросом: останемся ли мы людьми или дадим разорвать себя между вселенной инструментальности и вселенной идентичности? [5, с. 188]. Расширение инструментального пространства значительно сужает, искажает, а иногда и разрушает пространство экзистенциальное. Личностное начало в культуре все более заменяется ее системными основаниями. Культура как опредмеченная творческая созидательная сила человека, изначально защищающая его от стихии природы, сама постепенно превращается в стихию, бушующую уже внутри культуры. В современной культуре все более утверждает себя *системность, анонимность, взаимозаменяемость* человека. «Я» сегодня растворяется в «Оно», личное сталкивается с «безличным миром». Утрата ценности обособленной индивидуальности и личностного начала в культуре, переход ее к безличным системным основаниям ставят перед человечеством важные мировоззренческие вопросы: какая надындивидуальная структура станет носителем таких личностных качеств, как ответственность, совесть, чувство долга, достоинство и др., без которых немислима жизнь человечества? Возможен ли личностный смысл в безличной анонимной культуре? И возможно ли в такой культуре продолжать творить (опредмечивать себя), лишившись личностного смысла? Пока эти вопросы остаются без ответов.

Следующий этап в развитии предметного бытия человека, который имеет свои особенности и который мы назвали этапом «двойного опосредования», связан с появлением новой реальности, «третьей природы», получившей название виртуальной. Проблема статуса виртуальной реальности пока не получила однозначного теоретического ответа, хотя активно обсуждается в научной и философской литературе [4; 2; 3; 11]. Многие исследователи в качестве характерной особенности виртуальной реальности называют парадоксальность, которая заключается в том, что виртуальная реальность не обладает предметной сущностью в полной мере, поскольку поддерживается активностью порождаемой технической среды [12, с. 259]. Отсюда главной проблемой на сегодня является *проблема онтологии виртуальной реальности*. Она включает в себя целый ряд вопросов: существует ли виртуальная реальность актуально или потенциально? Является ли она состоянием человеческого сознания или входит в предметное бытие, и если входит, то в какой форме (как самостоятельная реальность или как феномен, поддерживаемый порождаемой его технической средой)? Можно ли ее рассматривать как часть культуры («второй природы») или она конструирует новый искусственный мир («третью природу»? Эти вопросы нуждаются в фило-

софском осмыслении, поскольку технологии виртуальной реальности широко применяются в различных областях человеческой деятельности.

Говоря о специфике виртуальной реальности, необходимо отметить следующее. С одной стороны, виртуальная реальность обладает свойствами актуальной реальности (пространство, время, движение, развитие, отражение и т. д.), с другой — ей присущи виртуально-специфические свойства: порождаемость, бестелесная предметность, полисемантичесность, автономность, интерактивность и др. Если мы обратимся к этимологии термина «виртуальность», то увидим двойственность в онтологическом статусе виртуальной реальности.

Термин «виртуальный» использовался с древних времен, в частности, в средневековой схоластической философии. В основе онтологии Фомы Аквинского он встречается при рассмотрении антитезы «потенциального» (возможного) и «актуального» (действительного). Николай Кузанский в своем произведении «О видении Бога» рассматривает виртуальность как возможность на примере семени дерева, которое потенциально содержит в себе само дерево. Таким образом, термин «виртуальная реальность» изначально обозначал реальность, которая может существовать как в потенциальном, возможном состоянии, так и в актуально существующем, действующем состоянии. Только в примере с деревом (у Кузанского) потенциальное существует в виде природной данности (первой природы), а в случае с виртуальной реальностью потенциальное существует как сфера взаимодействия человека и техники (техносфера). В этом смысле виртуальную реальность можно рассматривать как часть предметного бытия человека, как часть культуры, искусственной среды, созданной человеком. Но эта часть предметного бытия человека обладает своей спецификой. Если в развитии предметного бытия возникновение техники промышленного производства привело к возникновению новой его формы — формы опосредованного бытия, то с возникновением виртуальной реальности мы имеем дело как бы с ситуацией «двойного опосредования», техническая среда как средство в структуре предметного бытия в данном случае сама является условием «порождения» нового по качеству средства — киберпространства. Киберпространство является формой актуализации виртуальной реальности, оно представляет собой сложную глобальную компьютерную сеть, в которой *свернуты виртуальные реальности*.

Виртуальная реальность, включающая в себя множество онтологически самостоятельных реальностей, является их моделирующей имитацией, причем виртуальная реальность моделируется в соответствии с потребностями экзистенциального пространства. Отсюда, с одной стороны, виртуальная реальность обостряет проблемы личной самоидентификации, с другой — полностью их снимает, делая личность почти безразличной ее объективному бытию. Снижение интереса к актуальному бытию усиливает зависимость человека от виртуальной реальности. Показательны в этом отношении выводы, к которым приходит Марк Фишер, преподаватель философии британского колледжа, наблюдая студентов-подростков. Марк Фишер считает, что на рубеже веков сформировалось новое поколение в условиях доминирова-

ния электронного языка. Сформировалась новая «коммуникативная матрица», которая уже не требует от учащихся прежних волевых и действенных усилий. Изменяется мотивация поведения. Такую ситуацию М. Фишер называет «депрессивной гедонией», которая означает не неспособность подростков получать удовольствие, а их неспособность выполнять что-либо помимо поиска удовольствия. Такая ситуация, по мнению Фишера, возникает по мере изменения статуса потребительских услуг. Коммуникативная матрица (в данном случае являющаяся основной компонентой предметного бытия) становится «главным персонажем» в сфере потребления. Отсюда многие ученики (Фишер приводит примеры даже с отличниками) испытывают большие трудности с приложением усилий к чему-либо. Они жалуются, что им скучно. Новое поколение, пишет он, «слишком зависло в Сети», чтобы сконцентрироваться. Скучать — значит просто быть отделенным от коммуникативной матрицы SMS-сообщений, действующих в качестве стимула и реакции. То есть быть отлученным на какой-то момент от постоянного потока «сладковатого вознаграждения», выдаваемого по запросу. Фишер спросил одного студента, почему он носит наушники, если не слушает музыку. Тот в ответ лишь пожал плечами. Ношение наушников, замечает М. Фишер, выполняет функцию подтверждения того, что «коммуникативная матрица» (как опора в предметном мире) по-прежнему здесь, где-то рядом, в пределах досягаемости.

Многие специалисты в этой области утверждают, что развитие виртуальной реальности не имеет предела, в частности, технического. Единственная проблема, налагающая ограничения на развитие виртуальной реальности, заключается, по их мнению, *в возможностях человеческой психики в необходимости сохранять свою аутентичность*. Таким образом, возникновение виртуальной реальности как особой формы существования предметного бытия человека обостряет и актуализирует проблему его *адаптационных возможностей*. Проблема «границ техники», широко обсуждаемая в XX в., постепенно смещается на периферию проблемного поля, уступая место проблеме «границ человека».

Таким образом, в развитии предметного бытия человека можно выделить условно три этапа: этап непосредственного отношения к вещам, характеризующий целостным экзистенциальным пространством, где изготовленные человеком предметы обладают свойством «подручности» и органически включены в эту целостность; второй этап опосредованного отношения к миру вещей, когда происходит разрыв единого бытийного пространства человека на два мира: мир инструментальный и мир экзистенциальный, первый оказывает разрушительные воздействия на второй; и третий этап «двойного опосредования» — когда само экзистенциальное пространство поставлено под вопрос. Одной из важнейших проблем, на наш взгляд, является проблема *адаптационных возможностей человека*.

Литература

1. Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964. Т. 3.
2. Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М., 2001.

3. Рузавин Г. Н. Виртуальность // Новая философская энциклопедия. М., 2010.
4. Тарута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007.
5. Турен А. Сможем ли мы жить вместе? // Вопросы философии. 1998. № 2.
6. Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М., 2010.
7. Франк С. Л. Соч. М., 1990.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2013.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
10. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
11. Хоружий С. С. Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // О старом и новом. СПб., 2000.
12. Цвык И. В. Философские проблемы «искусственного интеллекта» и виртуальной реальности // История и философия науки / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М., 2016.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

OBJECTIVE EXISTENCE: HUMAN'S ATTITUDE TO THINGS

Lubov E. Motorina

Cand. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute,
4 Volokolamskoe Highway, Moscow 125993, Russia
E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

Veronika M. Sytnik

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof., Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute
4 Volokolamskoe Highway, Moscow 125993, Russia
E-mail: sytnikvm@gmail.com

In the field of human research there are two methodological concepts – “universe of a human” (attitude to himself) and “human inside the universe”: attitude of a human towards the world of things (objective existence), attitude to another human (social existence) and attitude to the Absolute (the eternal, universal human dimension). In the unity they form existential human space. The article focuses on the analysis of objective existence of a human and on the main stages of his development: the stage of direct attitude to things, the stage of “mediated attitude”, where technique is used as a means, and the stage of dual mediation, at which technique as a means itself becomes the necessary condition for emergence of another means, cyberspace; the last contains folded virtual realities in potential form. Changes in the structure of objective existence cause changes in existential space. The widely discussed in the 20th century problem of “technique borders” gradually shifts to the periphery of the problematic field, giving space to the problem of “human borders”. We have used the following methods: philosophical reflection in the mode of historic-philosophical and philosophic-anthropological research, methodological analysis of human attitude to the world, the method of comparative analysis, the unity of historical and logical.

Keywords: existential space, human, world of things, objective existence, social existence, the Absolute, culture, technology, means space, virtual reality, cyberspace, human boundaries.